

Михаилъ Димитріевичъ Чаусовъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

29 августа с. г. скончался въ Варшавѣ отъ паралича сердца заслуженный профессоръ тамошняго университета, докторъ медицины, д. ст. с., М. Д. Чаусовъ. Покойный—сынъ священника с. Даниловичъ, Ельн. у., о. Д. В. Чаусова; родился въ 1839 г. По окончаніи курса въ Смоленской семинаріи М. Д. поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ съ серебряною медалью и, какъ одинъ

изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ оставленъ при академіи для подготовленія къ профессорскому званію. Въ 1868 г. онъ защитилъ диссертацию „Объ организаціи кровяного свертка при перевязкѣ сосудовъ“ на степень доктора медицины. Во время франко-прусской войны 1870 г. М. Д. отправился въ заграничную командировку и произвелъ рядъ интересныхъ наблюденій надъ устройствомъ медицинской части въ нѣкоторыхъ прусскихъ полевыхъ лазаретахъ. Ему пришлось одновременно ознакомиться со многими невѣдомыми у насъ хирургическими аппаратами, примѣнявшимися во время войны. По возвращеніи въ Россію въ 1872 г., онъ былъ назначенъ доцентомъ въ Варшавскій университетъ по кафедрѣ оперативной хирургіи и хирургической анатоміи. Въ это время имъ былъ опубликованъ цѣнный обзоръ успѣховъ по хирургической патологіи и оперативной хирургіи. Съ 1876 г. М. Д. занималъ кафедру описательной анатоміи и нѣсколько разъ былъ избираемъ деканомъ медицинскаго факультета. Кромѣ того, нѣкоторое время покойный занималъ отвѣтственную должность инспектора варшавскихъ больницъ. Имъ напечатано въ разныхъ медицинскихъ изданіяхъ множество ученыхъ работъ, переведенныхъ и на иностранные языки. Его „Руководство по топографической анатоміи“ является единственнымъ оригинальнымъ на русскомъ языкѣ руководствомъ по прикладной анатоміи. Вообще, въ медицинскихъ сферахъ покойный славился, какъ выдающійся знатокъ оперативной хирургіи и анатоміи. Какъ профессоръ, онъ отличался серьезнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, чего требовалъ и отъ своихъ учениковъ; поэтому въ извѣстной средѣ молодежи онъ пользовался репутацией *строгаго* профессора, за то дѣльные и серьезные труженики всегда находили въ немъ хорошаго руководителя и становились въ полномъ смыслѣ слова его „учениками“. Не менѣе извѣстенъ былъ покойный и какъ опытный врачъ-хирургъ. Въ Смоленскѣ и родномъ уѣздѣ не мало лицъ, знающихъ его съ этой стороны и глубоко уважавшихъ его за помощь, оказанную имъ и ихъ семействамъ. Какъ на близкій примѣръ, укажемъ на

покойнаго о. ректора Смоленской семинаріи П. И. Чёрепнина, у котораго М. Д. буквально спасъ отъ смерти сына.

Людей, хорошо знавшихъ покойнаго М. Д., привлекала къ нему его цѣльная чисто-русская натура съ твердымъ характеромъ и опредѣленными непоколебимыми убѣжденіями. Сынъ сельскаго священника, хотя и достигшаго подъ старость, благодаря своему уму и характеру, обезпеченнаго положенія и авторитета среди окружавшихъ его, но до того времени бѣднаго и невиднаго, М. Д. еще въ юныхъ годахъ прошелъ суровую школу труда и нужды. Впослѣдствіи онъ нерѣдко съ гордостью указывалъ на то, что ему случалось „и въ лапоткахъ ходить и землю пахать прежде, чѣмъ онъ достигъ титула превосходительства“. Ни модныя вѣянія, которыми были пропитаны общество и молодежь 60-хъ годовъ, ни заграничныя впечатлѣнія, ни жизнь въ польско-еврейскомъ центрѣ — Варшавѣ, не могли вытравить изъ его души православно-русскихъ началъ, заложенныхъ воспитаніемъ въ отцовскомъ домѣ и укрѣпленныхъ той близостью къ простому русскому человѣку, въ которую ставили прежняго семинариста условія жизни и быта его семьи, теперь уже значительно измѣнившіяся (и Богъ знаетъ—къ лучшему ли?). Всѣ эти вѣянія и впечатлѣнія даже наоборотъ—только содѣйствовали выработкѣ у М. Д. чисто-русскаго міросозерцанія и укрѣпленія цѣлостности. Въ Варшавѣ М. Д. былъ центромъ русскаго университетскаго мірка. Между прочимъ, онъ являлся однимъ изъ главныхъ инициаторовъ Русскаго Медицинскаго Общества въ Варшавѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ руководилъ, въ качествѣ его предсѣдателя, его дѣятельностью. Характерно, что М. Д. любилъ и русскую старину, интересовался и архелогическими открытіями въ этой области. Въ послѣднее время онъ все собирался произвести раскопки кургановъ возлѣ своего имѣнія, заинтересованный разказами крестьянъ о находкѣ въ нихъ длинноголовыхъ череповъ: профессоръ увѣренъ былъ, что эти раскопки дадутъ богатый матеріалъ для опроверженія теоріи о монгольскомъ происхожденіи русскихъ, пущенной въ оборотъ нѣмцами и злобно поддержанной поляками. Эта черта въ характерѣ по-

бойнаго говорить и о томъ, что онъ не превратился въ узкаго специалиста, забывающаго все на свѣтъ ради своей специальности.

Проживя почти всю жизнь въ Варшавѣ, М. Д. гвѣздомъ своимъ считалъ все-таки свои родные Даниловичи. Его „дома“ было для него здѣсь, а не въ Варшавѣ. Здѣсь онъ проводилъ всѣ свои каникулы—и лѣтніе, и весенніе и зимніе. Владѣя въ 8 вер. отъ села крупнымъ имѣніемъ (до 1500 д.), отчасти полученнымъ отъ отца, отчасти благопріобрѣтеннымъ, М. Д. всегда оставался Даниловичскимъ помѣщикомъ и прихожаниномъ. Медленный ходъ дѣла по постройкѣ новой церкви въ селѣ побудилъ его, не дожидаясь выхода въ отставку, принять дѣятельное участіе въ немъ. Въ 1900 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ приходскаго попечительства, а затѣмъ и строительной комиссіи. Дѣло быстро пошло впередъ. Въ самое короткое время капиталъ попечительства достигъ суммы 3 тыс. и приступлено было къ основанію церкви. Нужно было удивляться энергіи, съ какою покойный, несмотря на свои годы и уже слабѣющее здоровье, повелъ дѣло. Каждое воскресенье онъ устраивалъ засѣданія попечительства или комитета, на которыхъ говорилъ почти онъ одинъ, разъясняя присутствующимъ всѣ недоразумѣнія до мелочей. Въ церкви онъ самъ обходилъ народъ съ кружкой „на построеніе храма“; переговоры съ подрядчиками, сношенія съ епархіальной властью, переписка всякаго рода, осмотръ матеріаловъ—все это или велось лично имъ или подъ его присмотромъ. Всѣ удивлялись, видя его нерѣдко въ страшную жару на мѣстѣ постройки осматривающимъ матеріалы, неутомимо перелазивающимъ черезъ груды камней, песку, досокъ... На дѣло постройки церкви онъ смотрѣлъ, какъ на задачу своей жизни, какъ на выполненіе своего священнаго и обязательнаго долга передъ своимъ роднымъ селомъ и приходомъ. „Вы только подумайте,— бывало говорилъ покойный,—на чьи средства мы воспитывались въ семинаріи: вѣдь свѣчныя-то суммы сѣрый народъ даетъ! А академіи на чьи средства содержатся? Я въ университетѣ жалованье не малое получаю,—откуда его казна

береть? Вѣдь все съ тѣхъ же „сиволапыхъ“... И другіе платять? Такъ тѣ „другіе“ и учатся за то, а мужиченятъ много въ университеты идетъ? *Мы съ вами тамъ учимся, а ихъ не пустимъ: мѣста нѣтъ!*“. Это сознаніе неоплатнаго долга передъ народомъ и мысль о необходимости уплатить хотя часть его своему родному краю сдѣлались твердымъ его убѣжденіемъ, которое бодрило его и оживляло въ послѣдніе годы жизни. И въ Варшавѣ онъ занятъ былъ все одной заботой—постройкой храма. Ему удалось то, что не удавалось сдѣлать прежнему предсѣдателю Комитета—сплотить наличныя силы, подыскать сотрудниковъ на мѣстѣ. И вотъ, несмотря на всѣ пессимистическія предсказанія, въ прошломъ году были устроены Комитетомъ кирпичные заводы на церковной землѣ, а нынче въ іюлѣ совершенно и основаніе церкви. Въ половинѣ августа М. Д. съ радостію видѣлъ, что кладка бута подъ громадную церковь уже идетъ въ концу и мечталъ уже о возведеніи въ будущемъ году стѣнъ церкви. Ни онъ самъ, уѣзжая въ Варшаву къ началу лекцій, ни всѣ, видѣвшіе его на работахъ, и не подозрѣвали о близости трагической развязки. Смерть сразила его внезапно, порвавъ разомъ всѣ мечты и надежды на будущее. Особенно грустно то, что М. Д. некому замѣнить, по крайней мѣрѣ въ настоящее время нѣтъ въ приходѣ челоуѣка, который съ одной стороны пользовался бы такимъ же, какъ онъ, положеніемъ и авторитетомъ, а съ другой—такъ увлеченъ бы былъ дѣломъ, не только практической, но и идейной стороной его, какъ М. Д. И весьма прискорбно будетъ, если постройка церкви съ его смертью замедлится или остановится; одна надежда на то, что М. Д. дѣло начато, машина пущена въ ходъ съ достаточной энергіей, а дальше она уже будетъ дѣйствовать въ силу инерціи. Во всякомъ случаѣ, если суждено въ Даниловичахъ быть новой церкви, то главная заслуга въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать покойному.

По личному его желанію, тѣло его было привезено изъ Варшавы въ имѣніе Знаменское, а отсюда 4 сентября при громадномъ стеченіи народа перенесено въ церковь, въ село.

Никогда обыватели села не видѣли такого обилія вѣнковъ и цвѣтовъ у гроба. Здѣсь были вѣнки отъ университета и студентовъ, отъ всевозможныхъ ученыхъ обществъ и благотворительныхъ учрежденій Варшавы и отъ знакомыхъ и почитателей покойнаго. Тѣло его погребено возлѣ церкви, рядомъ съ гробами его родителей. Да будетъ ему легка земля! Отнынѣ могила М. Д. надолго будетъ памятна для Даниловичей, которые не забудутъ *своего профессора* и втитора своего храма.

И. Орловскій.

По поводу памятника Сергѣю Александровичу Рачинскому.

О предполагаемомъ памятникѣ С. А. Рачинскому въ 7 №-рѣ Епархіальныхъ Вѣдомостей намъ пришлось прочитать слѣдующее: „почитатели и ученики С. А. Рачинскаго, въ ознаменованіе его заслугъ и трудовъ въ дѣлѣ народнаго образованія, пожелали увѣковѣчить его память постановкой памятника на мѣстѣ его дѣятельности—въ селѣ Татевѣ, Бѣльскаго уѣзда, для чего и составленъ комитетъ. Сочувствующіе этому благому предпріятію и желающіе оказать свое содѣйствіе могутъ получать болѣе подробныя свѣдѣнія отъ уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ по Бѣльскому уѣзду, свящ. о. К. Кулагина“.

Изъ этого печатнаго сообщенія, исходящаго, повидимому, отъ свящ. о. К. Кулагина, не видно,—какого рода памятникомъ желаютъ почитать С. А. Мы, живущіе въ деревнѣ, поняли такъ, что рѣчь идетъ здѣсь не о какомъ иномъ памятникѣ, какъ о надгробномъ. Какой же другой памятникъ когда—либо ставился духовными въ деревнѣ? И если-бъ не надгробный памятникъ, неужели объ этомъ не упомянулось бы въ предложеніи? Вслѣдствіе этого, нашему воображенію и